

Станислав

— J E M

Станислав

ЛЕМ

Эдем
Солярис
Непобедимый
Глас Господа
Крыса в лабиринте

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Stanislaw Lem
SOLARIS
SZCZUR W LABIRYNCIE
EDEN
NEZWYCIEZONY
GLOS PANA

Перевод с польского

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Лем, Станислав.

Л44 Солярис : [сборник : перевод с польского] / Станислав
Лем. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 752 с.

ISBN 978-5-17-164105-4

Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

ISBN 978-5-17-121231-5

(С.: Лем — собрание сочинений (Neo))

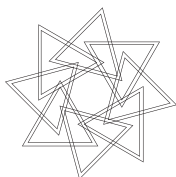
Компьютерный дизайн В. Воронина

Станислав Лем (1921–2006) — классик мировой литературы XX века, писатель с большой буквы, которого критики называют «последним из философов-энциклопедистов». Автор легендарных книг: «Солярис», «Эдем», «Звездные дневники Ийона Тихого», «Возвращение со звезд» и многих других. Книг, вызывающих неизменное восхищение как читателей, так и писателей во всех странах мира. Книг, навсегда изменивших лицо современной фантастики.

В этот том вошли произведения, написанные в 1956–1968 годах: «Эдем», «Солярис», «Непобедимый», «Глас Господа», «Крыса в лабиринте».

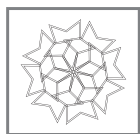
УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

© Stanislaw Lem, 1956, 1958, 1961, 1964, 1968
© Перевод. Г. Гудимова, наследники, 2019
© Перевод. К. Душенко, 2021
© Перевод. Р. Нудельман, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Крыса в лабиринте

Я уложил на полки папки с протоколами опытов, запер шкаф, повесил ключ на гвоздь и направился к двери. Шаги звонко разносились в нагретой тишине. Взявшись за ручку, я замер с поднятой головой: послышался легкий торопливый шелест. «Крыса, — мелькнуло у меня в голове. — Удрала из клетки? Это невозможно». Лабиринт, расставленный на столах, я мог охватить одним взглядом. Петляющие коридорчики под стеклянной крышкой были пусты. Наверное, показалось. Однако я не двигался с места. Снова шорох у окна. Отчетливый стук коготков. Обернувшись, я быстро присел и заглянул под столы. Ничего. Опять шорох, на этот раз с другой стороны. Я подскочил к печке. Упрямый шумок донесся из-за спины. Застыв на месте, я медленно повернул голову и посмотрел краем глаза. Светло и тихо. Еще шорох, и еще — с противоположной стороны. Я резко раздвинул столы. Ничего. Совсем рядом со мной нахальная возня, треск разгрызаемого дерева. Неподвижный, как изваяние, я обводил глазами комнату. Ничего. Неожиданно три-четыре резких шороха, шум под столами. Дрожь отвращения прошла у меня по спине. «Ну не боишься же ты крыс», — уговаривал я себя. От шкафчика, который я только что запер, донесся энергичный скрежет зубов. Я подскочил к дверцам — за ними что-то мечется, мягко клокочет, трепещет. Срываю замок... серый клубок летит мне прямо в грудь. Охваченный ужасом, задыхаясь, с отвратительным комком в горле, сделав такое усилие, будто свалил с себя каменную плиту, я проснулся.

В автомобиле было темно. Я едва разглядел профиль Роберта в зеленом свете приборов. Он небрежно откинулся назад и скрестил руки на руле. Где-то он подсмотрел эту позу, наверное, у какого-нибудь профессионального водителя.

— Ну, что там с тобой? Не можешь усидеть? Уже подъезжаем.

— Душно в этой коробке, — буркнул я, опуская стекло, и поставил лицо резкому ветру. Тьма стремительно летела назад, только лента шоссе перед нами мерно покачивалась в свете фар.

Один поворот, другой — снопы света открывали длинные коридоры между стволами высоких сосен. Как белые призраки, выскакивали из мрака и исчезали дорожные столбики. Неожиданно асфальт кончился. «Шевроле» подпрыгнул на выбоине и, приплясывая, помчался узкой лесной дорогой — по мне мурашки пробежали при мысли, что мы сейчас налетим на какой-нибудь невыкорчеванный пенёк. Но я смолчал. Лес перед нами поредел, деревья расступились, и мы оказались на месте. Как я и ожидал, Роберт не убавил скорости на краю поляны и со скрежетом затормозил у самого полотнища палатки, бледно просвечивающего сквозь темноту. Передними колесами мы чуть не уперлись в колышки, к которым были привязаны тросы. Я уже хотел выругать Роберта за глупую браваду, но вспомнил, что это наш последний вечер.

В Олбани на почте Роберта ожидало известие, что через два дня он должен явиться в редакцию. Ровно столько времени нужно, чтобы преодолеть без малого тысячу километров, отделяющих наш лагерь от Оттавы: до Олбани на автомобиле, потом на пароходе и снова — автострада. Роберт предложил мне остаться на озере до конца сентября, как мы рассчитывали, но я, конечно, не согласился.

Сразу же за городом, выезжая в сумерках на автостраду, мы переехали зайца. Это была единственная дичь, если не считать форелей, что досталась нам в добычу. Мы взяли его в машину и сейчас принялись готовить ужин. Заяц был старый и поэтому огнеупорный; подступиться к нему удалось только около полуночи. Борьба с мочалистым жарким немного развеяла наше похоронное настроение; этому способствовало и пиво, припрятанное в багажнике для какого-нибудь особого случая. Мы решили, что сейчас именно такой случай. Роберт вдруг вспомнил о привезенных из городка газетах и пошел за ними к машине. Гаснущий костер давал мало света, и он включил одну фару.

— Погаси! — крикнул я.

— Сейчас.

Он разложил газетные полотнища.

— Ты недостоин жить в этой почтенной лесной глуши, — сказал я, закуривая трубку. — Горожанин несчастный.

— Лучше послушай. — Роберт наклонился над газетой. — Тот метеор, о котором писали на прошлой неделе, помнишь? Снова показался.

— Чепуха.

— Да нет, слушай: «...сегодня рано утром — это вчерашняя газета — он в третий раз приблизился к Земле и, входя в верхние слои атмосферы, раскалился добела, после чего удалился, остывая. На пресс-конференции профессор Мерривизер из местной астрономической обсерватории опроверг версию, распространяемую американскими газетами, будто бы это тело — космический корабль, облетающий нашу планету перед посадкой. Это — заявил профессор — метеор, захваченный земным притяжением, который стал новой луной и обращается вокруг Земли по эллиптической орбите. В ответ на вопрос нашего корреспондента, следует ли считаться с возможностью падения метеора на Землю, профессор Мерривизер ответил, что это не исключено, так как, приближаясь при каждом обороте к Земле, метеор подвергается торможению вследствие трения о воздух. Названная проблема разрабатывается многими обсерваториями и будет решена в ближайшее время...» Тут у меня газеты из Штатов, трехдневной давности. Ну они там и изошряются: «Космический звездолет приближается», «Электромозги будут переводить речь неизвестных существ», «У нас гости из космоса...» Ну-ну, — добавил Роберт с оттенком сожаления, — а я тут сижу в лесу.

— А, обычные утки, — сказал я. — Гаси свет и выброси эту макулатуру.

— Ну ладно, конец сказке...

В полумраке Роберт вернулся к костру, который пока стал грудой красных углей, подоброе веток и, когда они занялись, уселся на траву и заговорил негромко:

— А может, и впрямь звездолет... Чего ты смеешься?

— Да я знал, что ты не оставишь этого в покое.

— Эх ты, психолог, психолог, — пробурчал Роберт и пошевелил веткой костер, который, словно рассердившись, выбросил с ужасным треском сноп искр. — А почему и взаправду не может быть корабля? Ну-ка, скажи?

— Скажу. Где одеяло? От земли тянет, как из преисподней, а это к заморозкам. Итак, мой друг, за шесть тысяч лет земной цивилизации к нам не прибыл ни один космический корабль. Эдакое событие неизбежно оставило бы след в исторических хрониках... Но

его нет. А вероятность события можно оценить по тому, как часто оно происходит, — понимаешь? Большие метеоры падают на Землю регулярно — раз, а то и два раза в столетие. А кораблей не было... поэтому вероятность, что огненное тело было ракетой, практически равна нулю.

— Пусть так... Но ведь известно, — Роберт заговорил оживленней, — что есть обитаемые планеты. Не в нашей Солнечной системе, так в других. Когда-нибудь возьмет какой-нибудь корабль да и прилетит к нам.

— Да, возможно. Скажем, через два миллиона лет. А может, уже через сто тысяч. Как видишь, я не хочу тебя огорчать.

— Какое было бы событие... — вслух мечтал Роберт. — Знаешь, в этом вопросе мнения делятся так: одни считают, что такой контакт с другим миром принес бы нам пользу, а другие — что это было бы началом «войны миров». А ты на чьей стороне?

— Ни на чьей. Вышло бы что-то вроде визита улиток к белкам, и результаты соответствующие: никакие. Различие в строении — препятствие неодолимое.

— Структуры мозга?

— Не только. Структуры жизни вообще. Даже если бы они обладали речью — что совсем не обязательно, — мы не договорились бы с ними...

— Но ведь через какое-то время удалось бы.

— Весьма сомнительно.

— Почему?

— Мы, люди, — зрители: масса наших понятий выводится из сферы оптических впечатлений. А их ощущения могут основываться на другом принципе... Например, на обонянии. Или на совершенно неведомом — скажем, химическом... Становится все холоднее. Подбрось-ка в огонь... Впрочем, дело даже не в разнице ощущений, ее бы мы в конце концов преодолели. Но тогда мы увидели бы, что нам просто не о чем с ними говорить... Мы создаем и совершенствуем футляры — для жилья, для укрывания тела, для путешествий. Засим занимаемся питанием и очищением наших тел, двигаемся по особым методикам — я имею в виду спорт, — и во всех этих областях у нас не было бы общего языка...

— Ну что ты говоришь, Карл? Ведь не прилетели бы они к нам, чтобы поговорить о моде или спорте.

— А о чем?

— Ну... об общих проблемах...

— О каких?

— Что ты меня экзаменуешь! О науке, о физике, о технике...

— Я докажу, что ты ошибаешься. У тебя под руками нет какого-нибудь прутика? Трубка засорилась. Спасибо. Итак, во-первых, их цивилизация может развиваться совсем в ином направлении, чем наша, — тогда взаимопонимание было бы чрезвычайно затруднено. Но даже если предположить, что, как и у нас, она базируется на высокой технике, все равно беседовали бы мы с огромным трудом. Мы еще не можем преодолеть пространство между звездами — не правда ли? — а они своим прибытием докажут, что могут. Значит, они превосходят нас, опережают в технике и одновременно в науке — одно связано с другим. Вообрази, к примеру, что современный физик, какой-нибудь де Бройль или Лоуренс, встречает своего земного коллегу, жившего сто пятьдесят или двести лет назад. Тот рассказывает о каких-то флогистонах, а этот говорит о космическом излучении, об атомах...

— Ну хорошо, но мы-то уже знаем об атомах, и немало.

— Согласен, но они знают существенно больше, атом может быть для них понятием безнадежно устаревшим, а может, они его вообще перепрыгнули, иначе решили проблему материи. Нет, не думаю, чтобы беседы оказались плодотворны — даже в области точных наук. А в повседневных делах вовсе не нашлось бы ничего общего. Не сумев понять друг друга в конкретных вещах, мы тем более не сможем договориться в сфере обобщений, которые являются производными этих конкретностей. Иные планеты, иная физиология, иная интеллектуальная жизнь... Разве лишь... Но это сказка...

— Что «разве лишь»? Расскажи.

— Э, ничего. Мне пришло в голову, что с виду они могли бы походить на нас и все-таки представлять непонятный мир... — Я остановился.

— Не совсем понимаю. Что ты хотел сказать?

— Речь о том, — объяснил я, постукивая мундштуком трубки о камень, — что на Земле только человек достиг высокого уровня разума. В других условиях могли бы параллельно развиваться два разумных вида, различных...

— И между ними вспыхнула бы война — об этом ты говоришь?

— Нет. Это как раз земная, антропоцентрическая точка зрения. Лучше оставим фантазии в покое. Скоро два, давай спать.

— Ну ты хорош! Сейчас спать? Нет, ты должен сказать все.

— Бог с тобой. Скажу, хотя и лезу в совершенно невероятную фантастику. Один из разумных видов мог бы быть человекообразным, но на низкой ступени развития... А другой господствовал бы и... вообрази себе такую ситуацию: на Землю садится корабль, мы находим в нем существа, похожие на нас, чествуем их как покорителей пространства, а на самом деле это просто низшие виды иного мира — понимаешь, существа, которых настоящие конструкторы звездолета посадили в кабину и выстрелили в пространство... Ну как мы посылаем в ракетах обезьян...

— Неплохая история. Почему ты не пишешь таких рассказов? У тебя буйное воображение.

— Сказок я не пишу, потому что занят другими делами. Ладно, давай спать. Утром еще поплаваем на озере, я хотел... Погоди, что это?

— Где?

— Там, над лесом.

Роберт вскочил с земли. Невидимое до сих пор небо посветлело. Засверкали кромки туч.

— Что это, луна? Свет слишком яркий... смотри.

Зарево разгоралось. Мгновение — и ближние деревья начали отбрасывать тени. Вдруг ослепительный столб огня разорвал тучи, пришлось закрыть глаза. Лицо и руки опалил мгновенный жар. Земля вздрогнула подо мной, подпрыгнула и провалилась. Потом слышался протяжный, идущий со всех сторон гром, который нарастал и опадал каскадами. Сквозь слабеющий грохот был слышен только страшный треск падающих деревьев. Порыв горячего ветра ударил в нас, разметал костер, я почувствовал обжигающую боль в ноге — меня огрело головешкой. Задыхаясь в облаках пепла, я покатился куда-то вбок. Втиснув лицо в траву, подождал несколько долгих секунд. Постепенно стало тихо, беспокойный ветер шумел в стволах уцелевших деревьев, темнота вернулась, и только над северным горизонтом красновато светилась луна.

— Метеор! Тот метеор! — возбужденно закричал Роберт.

Он закутился на месте, подскочил к машине и включил фары. Свет вырвал из темноты распластавшуюся на земле палатку, перекрученные и осыпанные золой постели, а Роберт бегал вокруг и общал лихорадочно:

— Переднее стекло машины треснуло — наверное, какой-нибудь осколок... Эту огромную ель вырвало с корнем... Счастье, что нас

деревья заслонили... Погоди, я возьму бинокль, пойдем посмотрим с берега, что там делается...

Оставив включенными фары автомобиля, мы по узкой дорожке вышли на плавно понижающийся берег бухточки. В слабом свете далекого зарева едва намечались темные контуры скал, торчащих из воды. Роберт внимательно рассматривал в бинокль темноту, но ничего не обнаружил, кроме равномерного пурпурного свечения у северного горизонта.

— Слушай, пойдем туда. Посмотрим вблизи. Ну, дружище, какая у меня будет сенсация! — воззвал Роберт.

Вдохновленный этой идеей, он кинулся к лагерю.

— Для твоей газеты? — спросил я серьезно, хотя в горле у меня щекотало от сдерживаемого смеха.

— А как же!

— Уже третий час. Ночь. Давай-ка ляжем спать.

— Как ты можешь!

— Ложимся спать! — повторил я внушительно. — Бери полотенце с другой стороны, натянем. Матрацы продырявлены, как решето... Нужно взять подушки из машины. Если это был метеор, он до утра не сбежит. Засветло можем предпринять туда экскурсию — через озеро, потому что на машине не проехать. По-моему, это на северном берегу, на болоте. Машина цела?

— Да, только переднее стекло...

— И на том спасибо. А теперь — спать.

Роберт, бурча что-то насчет обывателей, которые, даже если наступит конец света, не забудут надеть войлочные туфли, вместе со мной поставил палатку и уложил в ней автомобильные сиденья. Мытье посуды, в связи с исключительными событиями, мы отложили до утра. Я уже засыпал, когда Роберт окликнул меня:

— Карл, с точки зрения статистики, вероятность того, что метеор упадет как раз здесь, была равна нулю. Что ты на это скажешь... Ты меня слышишь? — переспросил он громче.

— Слышу, — ответил я сердито. — Оставь меня наконец в покое.

Я натянул на голову одеяло и тотчас уснул. Меня разбудил автомобильный клаксон. Я выглянул из палатки. Было уже светло. Роберт возился с машиной. Он принялся объяснять, что нажал гудок нечаянно. Я не стал его слушать и пошел к воде. Наш бивак находился на конце большого полуострова, вдававшегося в черное, почти неподвижное озеро, в котором отражалась плотная стена

леса. Кое-где в ней зияли прогалины. Северный берег озера, обычно прочерченный на горизонте тонкой линией, сейчас не был виден — там тянулась пелена белого тумана. Сразу же за большими камнями было глубоко. Я прыгнул в воду, у меня перехватило дыхание — такая она была холодная, обогнул мыс и потом, лежа на спине и работая только ногами, вернулся на берег. Роберт уже сталкивал лодку, но ему пришлось подождать, пока я позавтракаю, — я не хотел поддаваться на его уговоры и есть в пути. Потом не желал заводиться мотор, нужно было продуть карбюратор, так что мы отчалили только после десяти.

За нами простиралась изрезанная линия лесистого берега, удалившись от него, мы почувствовали слабый восточный ветер, поднявший легкую волну. Мотор громко стучал, мы быстро двигались вперед. Минут через пятнадцать берег превратился в синеватую полоску, зато стена тумана, казалось, вздымается все выше, молочный пар достиг уже хмурого неба. Мне было нечего делать, я неподвижно сидел на скамье и все сильнее сомневался в целесообразности нашего похода. Я старался припомнить все, что читал о метеорах, особенно об огромном сибирском метеорите. Место его падения безрезультатно искали годами, а жителям окрестных селений, над которыми пролетел метеорит, казалось, что он упал совсем рядом. Если «наш» метеор тоже был огромным, он мог упасть на десятки миль дальше на север, думал я, и поиски ни к чему не приведут. Однако этот туман... Я еще никогда не видел такого густого и на столь большом пространстве. Мне вдруг пришло в голову, что без компаса мы в нем заблудимся. Я взглянул за корму — берега исчезли, вокруг простиралось черное, иссеченное волнами, мерно колыхавшее лодку озеро. Даже если метеор упал относительно близко... путь к нему, да еще по болоту, будет не из легких. В автомобиле была карта окрестностей, ее нужно было взять с собой, но, как это обычно бывает, мы о ней забыли. Направление к центру катастрофы показывают своими корнями поваленные деревья... по крайней мере теоретически. По берегу, к которому мы стремились, двигаться было нелегко даже при хорошей видимости... Все предприятие уже казалось мне бессмысленным, однако я молчал, слишком хорошо понимая, что Роберт будет глух к доводам рассудка.

Мы подплывали к туманной стене. Ключья тумана тянулись к нам; они стелились над водой и были похожи на огромные скрюченные корни. Мы окунулись в молочную пелену. Еще раз в про свете меж клубами тумана я увидел черный простор воды, потом

его расплывающиеся языки мягко сомкнулись; теперь мы плыли в теплой влажной туче. Меня охватило странное чувство — не страх, а непреодолимое ощущение, что мы приближаемся к чему-то необычному и оно вот-вот вынырнет из непрозрачного света. Я нажал на рукоять мотора и поднял вращающийся винт из воды.

— Что ты делаешь! — воскликнул Роберт.

Другой рукой я опустил весло; мне казалось, что происходит что-то нехорошее. Вода, вместо того чтобы забурлить вокруг лопатки весла, осталась неподвижной.

— Роберт, — крикнул я, — нас несет течение. Раньше его здесь не было.

Белый пар заполнил лодку, размазав очертания носа.

Энергично работая веслом, я поставил ее бортом, а потом кормой к направлению потока, опустил винт, вода за кормой закипела, но, хотя мотор толкал нас теперь в обратном направлении, мы продолжали плыть в глубь тучи, кормой вперед.

— Весла! Роберт, весла! — заорал я.

Лодка уже не покачивалась, как прежде. Она вибрировала — не сильно, но так, что в этой мелкой дрожи чувствовалась неодолимая сила потока, — и мчалась, пронзая туман. Становилось темней; в разрывах тумана вода, рассекаемая веслами, была странно коричневой. Наши усилия не давали результата, от стремительного движения скамейка подо мной дрожала, как натянутая струна. В этот момент прямо над нами послышался басовитый голос мотора. «Самолет!» — воскликнули мы одновременно, задрав головы в надежде на чудо. Мы не увидели ничего. Звук мотора удалялся, потом пропал совсем, зато сквозь постукивание нашего моторчика прорвался глухой гул, похожий на гул водопада. Впереди, в тумане очертился чудовищный горб; лодка вздыбилась и ринулась вниз. Отчаянно работая веслами, мы тщетно пытались удержать ее в равновесии. Я почувствовал, что скамья вырывается из-под меня, удар холодной волны швырнул меня в сторону, я потерял из виду Роберта и поплыл, бессознательно стараясь удержаться на поверхности, но чувствовал, что слабею. Я летел по черной, круто спадающей дуге, со всех сторон потоки воды врывались в клочущую воронку. Меня засасывало. Тянуло все глубже и глубже. Задышавшись, давась, я увидел пульсирующие красные огни и потерял сознание.

Я пришел в себя от рвоты. Я лежал животом на чем-то тугом, эластичном, выплевывая и выхаркивая воду. Лежал долго. Что-то плоское, скользкое ударило меня в бок. Это движение замирало на